

Предисловие

Автор приносит свои извинения всем, чьи национальные чувства он задел. Автор не хотел возбуждать национальную рознь, а также оскорблять кого-либо в грубой или извращенной форме, как, впрочем, и в любой другой форме. Но это, конечно, никого не колышет. Определенной категории читателей это неинтересно.

Патриотами обычно называют себя готтентоты, исповедующие классическую готтентотскую мораль: хорошо все, что хорошо для нас; так действуют наши враги, и следовательно, так должны действовать мы; чем меньше ценится человеческая жизнь, чем невыносимее условия существования в возлюбленном Отечестве — тем ближе оно к идеалу. Смешно и странно, что эта суицидальная садомазохистская концепция все еще смеет претендовать на роль государственной идеологии. Однако она смеет. И любая попытка ниспровергнуть ее называется разжиганием национальной розни.

Автор приносит свои извинения всем, чью межнациональную рознь он разжег.

У меня нет определенной, обязательной для читателя расшифровки аббревиатуры «ЖД». Читатель волен выбрать любую или предложить свою: железная дорога, живой дневник, желтый дом, жирный Дима, жаль денег, жизнь дорожает, жидкое дерьмо, жар-

кие денечки, жесткий диск, Живаго-доктор. Для себя я предпочитаю расшифровку «Живые души».

Истина открывается не для того, чтобы прятать ее в столе. Истина поднимает вокруг себя бурю исключительно для того, чтобы дальше разбросать свои семена. Я родился для того, чтобы написать эту книгу, и придумывал ее в последние десять лет. В ней сошлись мои любимые сюжеты и главные мысли, которые всегда были об одном и том же, а именно — о бесприютности — самом страшном моем страхе. В моей стране мне тоже бесприютно, и это не только мое ощущение.

Наверное, это плохая книга. Думаю, что она и не могла быть хорошей. Я предвижу реакцию, которую она вызовет. Скорее всего, это будет не только идеологическое, но и эстетическое отторжение, потому что это во многих отношениях неправильная книга. Я хотел бы написать ее иначе, но не думаю, что это возможно. Мне не так уж важно было написать хорошую книгу. Мне важно было написать то, что я хотел.

Дмитрий Быков
Москва, май 2006

*Помню Родину, русского Бога,
Уголок на подгнившем кресте,
И какая сквозит безнадега
В робкой, смирной его красоте.*

ЛЕВ ЛОСЕВ

*Грузно поыхивая, паровоз начал брать поворот,
и они плавно скрылись из виду со своим убогим и вечным
терпением, со своей безмятежной недвижимостью.
С этой готовностью детски неумелой.
И вместе какая, однако, способность любить без меры,
заботиться о подопечных, надежно их оберегая
и обкрадывая, а от обязательств и ответственности
отлынивать так простодушно, что и уверткой этого
не назовешь.*

УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР

Все идет в одно место.

ЭККЛЕЗИАСТ, 3:20

Книга первая
ОТПРАВЛЕНИЕ

Часть первая

ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

К вечеру Громов со своей ротой взял Дегунино. Надо было торопиться: на ночную атаку не хватало сил, люди устали, а если бы со штурмом протянули до завтра, отпуск бы точно накрылся. Следовало любой ценой войти в деревню вечером семнадцатого июля, и он вошел, причем почти без потерь. На глинистом подъеме, на пресловутой шестнадцатой высоте, архитектор Краснов подвернул ногу и пополз к медику, который, наложив повязку, вернул его в строй. Прочие были целы и определялись теперь на постой по давно выбранным местам: Дегунино брали двенадцатый раз, у каждого давно была баба.

Ливень как зарядил три дня назад, так и не прекращался — иногда только ослабевал на четверть часа, собираясь с силами, и тут же опять принимался низвергаться, откуда и бралось. Дресва разлилась и пенилась, тошно было лезть в желтый, мутный поток — в обычное время Громов запросто перепрыгнул бы проклятую речушку, в которой по жаре и выкупаться было нельзя; теперь это было целое форсирование водной преграды. Стоило указать в рапорте. При форсировании отличился ефрейтор Ганнушкин, неожиданно принявшийся петь и тем поднявший дух войска. «Йэх, он уехал в ночь

на ночной электричке!» — заорал ефрейтор дурным голосом, оскользаясь по дну, и дальше спел неприличный вариант про яички.

— Чему радуемся, Ганнушкин? — брезгливо спросил Громов. Настроение было похабнейшее.

— Да как не радоваться, тыщ старший лейтенант! — оскалился тот. — Сейчас Машку за ляжку, да и баиньки!

— Ты смотри, как бы тебя самого... за ляжку, — ругнулся Громов. — Рота, не растягивайся!

В последний раз их выбили из Дегунина неделю назад, когда вдруг нагрянул казачий атаман Батуга со своими орлами — сытыми, тугими ребятами, от которых вечно несло самогоном, мясом и анашой. Казаки прискакали утром, бесшумно сняли дозорных и нагайками погнали сонных бойцов с насиженных мест. Большинство громовских не успели дотянуться до оружия — батугинцы распахивали двери, врываются в дома и за шиворот стаскивали солдат с печей и лавок. Это был позор. Громов не спал — второй месяц мучился бессонницей в ожидании отпуска, который в любой момент могли отменить, — и действовал в том бою героически, при других обстоятельствах непременно получил бы хоть благодарность в приказе, но уж слишком по-идиотски выглядело само дело. Двоих он все-таки уложил, но отойти пришлось. Казаки их не преследовали. Громов окопался в трех километрах от Дегунина, среди ровного подсолнухового поля, и начал готовиться к ответному штурму. Сколько сил у Батуги, он толком не знал. Резерва командование не давало. От роты осталось пятьдесят человек — в принципе достаточно, чтобы попытаться выбить казаков, но кто его знает, сколько атаман набербовал за последнее время по окрестным деревням. Семнадцатого разведка донесла, что в селе все тихо — пятидневная гульба с пальбой окончилась. «Дрыхнут, кэп, — на правах близкого друга фамильярно доложил Редькин. — Мы их теперь, бедных с похмела, гольми руками возьмем». Громов, однако, медлил. Ему не нравилась эта тишина. На войне никогда нельзя было действовать по расчету — всегда по наитию. Он понимал, что люди устали сидеть под дождем в окопах, что деревню надо брать, пока казаки не протрезвели, что у него отпуск через три дня, — но еще день проторчал в палатке, играя в подкидного дурака с ординарцем Папатей, и только в двадцать ноль-ноль дал сигнал к атаке. В лиловой полу-

тьме, под толстыми теплыми струями шумного ливня они всползли на шестнадцатую высоту, растянутой цепью подошли к деревне и не обнаружили в ней ни одного батугинца. Вышибать было некогда — казаки погуляли и ускакали. Громов рад был, что обошлось без боя, но понимал и то, что Батуга просто так не ушел бы — его ребята явно съели и выпили все, что имелось в Дегунине мясного и горячего, и им не хватило. Теперь, надо полагать, они грабили в Хабаровке или Переяслове, а громовцам, стало быть, оставалось сосать лапу. После казаков, как после Карлсона, мало что оставалось.

— Это что же такое, Редькин? — бесконечно усталым голосом спросил Громов злополучного разведчика, с гримасой боли и наслаждения стаскивая облепленные глиной сапоги. Он сидел на лавке в горнице, прямо под портретом толстого усатого мужика, смахивавшего на Буденного.

— Тихо было, товарищ капитан! — от стыда и страха переходя на официальный стиль, оправдывался младший друг.

— Ти-и-ихо... — передразнил Громов. — В Бога, в мать, в глушь, в Саратов... Когда воевать научимся, сержант? Так и хочешь всю жизнь в москвачах проходить?

Москвачами дразнили москвичей. Впрочем, остальные воевали еще хуже. На третьем году войны национальная гвардия была в плачевном состоянии — теперь ее обращала в бегство любая банда.

— Государственнички, вашу мать... Разведка доложила точно... Что мне теперь наверх рапортовать? Деревня взята без боя ввиду отсутствия противника?

— Так... трщ-кптн... Доложим, что противник обращен в бегство!

— Давай лучше сразу доложим, что противник обращен в жабу. Скорее поверят. Фу, черт... Иди с глаз моих.

Редькин испарился. У него в Дегунине была красивая, рослая девка с соломенной косой — смешливая и придурковатая. Больше всего он боялся, что за такую разведку Громов закатает его на ночь в охранение и трогательная встреча не состоится, но в охранение Громов закатал Ганнушкина, которого терпеть не мог. Это было несправедливо, конечно, и в порядке компенсации пришлось отметить его в рапорте. Ганнушкин тоже собирался ночевать у своей дамы, именуемой Травка: родительница, наслушавшись опер из приемника

еще в советские времена, назвала дочь Травиатой. Ей никто не объяснил, что травиата — не имя героини, а профессия; Травка оправдала имя, не отказывала никому, даром что собою была нехороша и ходила распустехой. Жила она неподалеку от дегунинского храма — странного архитектурного сооружения, подобного которому Громов не видел нигде: больше всего, вероятно, это было похоже на пень с грибами. Впрочем, кто-то уже называл так собор Василия Блаженного — но на том по сравнению с этим было гораздо меньше грибов. Ни в одной другой деревне — а их Громов за войну повидал — не было такой смешной и уродливой церкви. Травка имела к ней какое-то отношение — то ли убиралась там, то ли, поговаривали, даже служила в отсутствие призванного в армию попа.

— Связь, товарищ старший лейтенант! — Папатья подал ему мобильник.

— Заря, Заря! Я Земля, как слышно? — спросила трубка хриплым голосом полковника Здрока.

— Земля, слышу вас хорошо. Я в Дегунине, товарищ полковник.

— Какого хера ты там делаешь, Бонапарт долбаный? В войнушку поиграть захотелось? Населенный пункт взяли, ордена ждем? Будет тебе орден святого Геморроя первой степени, в жопу себе его засунешь, и затолкаешь поглубже, и четыре раза повернешь... — Здрока несло и могло нести еще долго, а мобильный у Громова садился, и карточек не подвозили уже неделю. — В Дегунине он сидит! Тебе русским языком сказано, что ты должен в Баскаково выдвигаться на соединение с Волоховым, чтобы совокупным ударом овладеть населенным пунктом Бобры, а они в Дегунине сидят и ордена ждут! (Во гневе Здрок от удовольствия путился в лицах и числах.)

— Я не получал такого приказа, товарищ полковник...

— Не получал он... — Здрок медленно выкипал. — Не получал, так получишь, я для того и звоню тебе, чмо красноармейское... Вам надлежит немедленно, немедленно выдвинуться в населенный пункт Баскаково! Скрытно, под покровом ночной тьмы... Магом шарш... Как понял, капитан?

— Товарищ полковник, ночь на дворе, люди устали, — без всякой надежды возразил Громов.

— Чта такое?! — заорал начштаба. — Ты мне приказы обсуждать? Барр-дак! Регулярная армия... Ты у меня в двадцать четыре часа! Трибунал! Чамора московская! Люди у него устали! На хрена ты на ночь глядя под дождем гнал людей в Дегунино, блядь желторотая!

— Я имел приказ отбить населенный пункт Дегунино.

— Приказ он имел! Имеют бабу... — Здрок опять вскипел; в последнее время он быстро достигал пика наслаждения, опадал и так же быстро возбуждался вновь. — Три метра люди у него прошли и устали... Скоро люди будут уставать жопу подтирать... Я даю вашим квашням полтора часа на отдых! Чтобы через пять часов мне было доложено, что отряд старшего лейтенанта Громова достиг Баскакова и соединился с Волоховым под покровом ночной тьмы!

— Есть, — безжизненно сказал Громов.

— Есть на жопе шерсть! — начал было Здрок выходить на новый круг, но тут в трубке зашуршало, пошли помехи, и от очередной порции армейского фольклора Громов был избавлен.

Он ненавидел Здрока. Именно из-за таких, как начштаба тридцать шестой гвардейской дивизии, и царил в армии бардак, который с начала войны усилился в геометрической прогрессии, и не было никакой надежды, что боевые действия что-нибудь в этом изменят. Таких, как Здрок, никогда не убивали. Этот человек с упорством идиота принимал наиболее бессмысленные решения — и добро бы дело ограничивалось только стратегической их нелепостью; начштаба всякий раз умудрялся сделать так, чтобы людям приходилось особенно гнусно. Ну как, в самом деле, гнать сейчас роту за пятнадцать километров, ночью, по грязи, на соединение с мифическим Волоховым? Хорошо хоть дождь утих — небо стало расчищаться, словно достаточно было взять Дегунино, чтобы восстановить в природе благодать и гармонию. Дороги, однако, успело развезти до глинистого месива; Громов выругался сквозь зубы.

— Коньшев, дайте Баскаково, — приказал он связисту. Связист был один из немногих приличных людей в роте, все коды держал в голове и быстро набрал двадцать цифр.

— Дежурный по полку слушает, — сказал измученный голос.

— Дайте Селиванова.

Дежурный щелкнул переключателем.